

АДЫГЕЙКА — ГОРДОСТЬ МОЯ

МАЛ АУЛ Псейтук. Жили в нем, умирали, вновь рождались пахари и снотоводы, сказители-ашуги, певцы и музыканты...

В Адыгейском национальном ансамбле выступали сестры Кадрюковы. Широко разлетались народные песни в исполнении Усия Чушук. Сказителем и знатоком фольклора считался Умар Ахеджаков — он погиб в Великую Отечественную. Гордятся аульчане земляками — режиссером Меджидом Ахеджаковым, артисткой Кларой Хурум, великодушным музыкантом-исполнителем Кимом Тлевцеруковым. Среди многих профессиональных артистов, вышедших из Псейтука (а их, по словам поэта Киримизе Жанэ, не в шутку называют «могучей кучкой»), аульчане обязательно в числе первых назовут вам и Гошнау Самогову.

...Девять детей было в семье. Обуть всех, одеть... Отец — из тех, кто в 20-е годы всем сердцем потянулся к новой жизни. Гошнау — в отца. Крупная, щедрая на жесты, экспансивная. Если во что поверит, если цель увидит — верой своей заразит сумеет, за собой поведет. Ей жизнь многое дала. Десятилетка, учительский институт, с отличием — Ленинградская консерватория (партия Татьяны Лариной — дипломная). Дала ей жизнь возможность работать по 14 часов в сутки: уставать, радоваться, отчаиваться от неудач, вновь загораться, переживать восторг зрительного зала... И при этом не расстраивать себя. Быть счастливой. Орденом «Знак Почета» награждена заслуженная артистка РСФСР Гошнау Самогова. Она не только певица. Я назову лишь три песни из ее сборников «Раздумье» и «Голос весны»: «У адыгов обычай такой», «Саида», «Солдатские вдовы». Поют их в каждом ауле.

...**ГОШНАУ** опустила локоть на стол, тяжело оперлась наклоненной головой на тонкие напрягшиеся пальцы, широко охватила ими лоб. Веки ее приопустились, но по выражению глаз, сделавшихся совсем темными, бездонно глубокими, можно было угадать, что она в эти мгновения вслушивается в свой голос, всматривается в себя, стараясь всеми струнами души соприкоснуться с той давнишней реальностью, что породила песню.

...Когда это было? Самые древние старики слышали эту историю от своих дедов. Жила в адыгейском ауле девушка по имени Адыф. От бедности отчаялись ее родители, захотели насильно отдать дочку замуж за постылого, нелюбимого. Но увез Адыф темной ночью на коне ее возлюбленный. Через черный лес лежит их тропа. Летит конь. Вот уж и красная полоска утренней зари проглянула сквозь деревья. Вдруг выпорхнула из кустов им на встречу птица-фазан. Испугался конь, шарахнулся в сторону; не удержалась Адыф, разбилась. Рыдает несчастный юноша над мертвой любимой. Кто в силах утешить его? И сложил он песню-плач; много в той песне любви к Адыф, много в ней ненависти к несправедливым обычаям...

За балконом многоэтажного дома сияет огнями вечерний Майкоп. Неоновые зарницы залетают в комнату Гошнау, отражаются в книжном шкафу, в черных досках пианино. Я слушаю певицу — и эти зримые приметы сегодняшнего дня отступают; голос песни, протяжный, тихий, тоскующий, при всей своей непохожести неуловимо перекликающийся с голосами русских обрядовых крестьянских песен, завораживает магией высокого искусства. Сколько в нем безысходного горя и любви! Слышали бы вы, с каким трагедийным накалом выговаривает Гошнау

песенное это имя: «Адыф»! Живя образами фольклора, она перевоплощается легко и естественно. Или мне это только кажется? Или на самом деле «легкость» требует огромной душевной энергии?

Посчастливилось Гошнау передать в песне природу той древней своей соплеменницы, которая ушла в века, но не исчезла, не затерялась в них, а сумела долать в наши дни импульс ве-

ликой своей любви к родной земле, доброту и сострадание к людям, живущим на ней. Гошнау пела и чувствовалось, как ощущения, свойственные миру, в котором жила былинная ее героиня, наполняют певцу.

Был я уверен в эти минуты: пение Гошнау — это не искусственно вызываемые из небытия сколки с образов ее древних соплеменников, с их чувств и чаяний. Нет, образы эти не мертвы, они живут в каждой адыгейке. Как, впрочем, и в русской, и в украинке...

Не знаю, правомерно ли здесь вспоминать о нашей землячке киноактрисе Нонне Мордюковой, на творческой встрече с которой мне довелось недавно быть, но пусть не покажется читателям это надуманным: хотел я того или нет, во время бесед с Гошнау Самоговой я непроизвольно сравнивал этих женщин. И мне было радостно, когда я находил роднящие их черты. Почему? Да и что, казалось бы, в них общего? До последнего штриха, русское лицо Мордюковой, которой, по ее же в шутку сказанным словам, на роду написано играть — не переиграть рабоче-крестьянских героинь, — и характерный профиль горянки Самоговой... Что роднит этих женщин? Умеют они проникнуть в поэтическую душу народа. И родство их не только артистическое, но и духовное. Счастливая судьба позволила каждой олицетворять тот народ, что сохранил и передал им традиции их предков.

— **НЕ БЫЛО** у моего народа письменности до революции. И это отняло у нас возможность изучать прошлое по древним книгам. Сказитель Цут Теучеж сокрушался, что не мог записать свои песни. Но сказки, песни, предания дошли все же до нас из глубины веков и стали связующим звеном между днем нынешним и минувшим. Я уверена: если бы от племени адыгов не осталось для потомков никаких других следов, кроме песни, то и по ней можно было бы составить понятие о жизни этого племени!

Я слушаю Гошнау — она хороший рассказчик. Ей удастся немногими штрихами нарисовать обстановку дома, в котором она родилась, дать портреты аульчан.

И вот я вижу хачец — небогатую кунацкую, комнату для гостей. На стене, на рукотканом коврике, висят двухструнная скрипка-шичешин, деревянная трещотка, камыль — флейта, сработанная из старого ружейного ствола. И каждый, кто входит в дом, может снять инструмент со стены, обласкать его теплом ладоней.

— Кунацкие были своего рода университетами народного творчества, — расска-

зывает Гошнау. — Если же в аул заезжал известный певец, сочинитель, — и стар, и млад собирались слушать его. Вечера превращались в праздники.

НЕЗАМЕТНО вплетает Гошнау в свой рассказ то музыкальную фразу, то развернутую мелодию. Поет она без аккомпанемента, и голос ее звучит поэтоу особенно трогательно.

— Исполнение старинных песен об отечественных героях приравнивалось адыгами к священнодействию, — говорит Гошнау. — Песня была святыней. И в то же время она оставалась единственной отдушиной в жизни заданного темнотой и гнетом народа. Рождался ребенок — в честь его слагалась песня про то, каким сильным, смелым джигитом он вырастет. Бедная мать, качая колыбель, пела о счастье и удачах, ожидающих ее малыша. Но знала она, что жизнь сына будет такая же нищая и голодная, как и ее.

Заболел человек — слагались песни «целебного» свойства, умирал — песни-плачи. Слово лучик, проникла песня в безрадостную лагуна бедняка. Лучшие песни обретали крылья, становились достоянием народа.

— Вы знаете, — прерывает сама себя Гошнау, — я заметила, что для старинных адыгейских песен очень характерно выражение «гушэ». Означает оно по-русски — «о горе!». Сколько скорби в наших старых песнях!

И вдруг иной напев родился в комнате. «Нысишц оред» — свадебная. Вот где проявляется экспансивная натура Гошнау! Вся она словно лучится от радости, лицо в улыбке, ни тени не оставила на нем печальная песня об Адыфе! «Свадебной» перевод не нужен, она — о счастье, о любви, о радости жить на земле.

Много слышал я песен от Гошнау Самоговой. Слышал и кантату для симфонического оркестра, хора, чтеца и солиста «Адыгейка — гордость моя». Гошнау написала ее на стихи Киримизе Жанэ в честь полувековых юбилеев автономии Адыгеи и образования Союза ССР. Торжественная песнь повествует о гордой горянке — не только современнице Гошнау, но и женщине, сумевшей сберечь в условиях многовекового феодального рабства все богатства своей души. В кантате — и лирические раздумья, и публицистика, и пафос; в ней счастливо сочетаются традиции фольклора и современной песни. Сочинение кантаты идет у Самоговой параллельно с другой работой — она пишет диссертацию «Об истоках адыгского песнетворчества». О том, насколько трудно такое совмещение научного и композиторского труда, не стоит лишний раз говорить. Но ведь в этом — и величайшее счастье: опосредованно отразить в собственном детище те мысли и образы, что пришли в результате исследовательской работы.

— Говорят, в песне — душа народа, его мечты, чаяния в борьбе за лучшую жизнь... — Гошнау как бы думает вслух, словно старается еще и еще раз постигнуть нечто для себя безмерно дорогое. — А какова душа старинной народной песни, прошедшей многовековой путь, отшлифованной в веках? Слезы и надежды, горести и радости скольких миллионов людей слились в старинной песне? И как мы должны беречь каждое такое сокровище, чтобы в целостности донести его до грядущих поколений, как наши предки донесли его до нас!

Ю. МАКАРЕНКО.
г. Майкоп.

НА СНИМКЕ: Гошнау Самогова.